

П.Д. Погодин

**Обзор источников по истории
осады и взятия Византии
турками в 1453 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Д. Погодин**
Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году /
П.Д. Погодин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 56 с.

ISBN 978-5-458-00905-8

ISBN 978-5-458-00905-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

интересахъ съ бытіемъ Цареграда, то и въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ нашло свой отзвукъ это событіе, отзвукъ особенно сильный въ италянскои и русскои литературѣ, въ силу исконныхъ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между этими національностями и Византіей.

Выяснивъ такимъ образомъ причины относительнаго обилія матеріала для изученія фактической стороны осады и взятія Константинополя турками въ 1453 г., я перехожу къ ближайшему разсмотрѣнію каждого изъ этихъ источниковъ въ отдѣльности, раздѣливъ ихъ на группы, для вишняго удобства, по національностямъ.

I.

Источники греческіе.

1. Франдзи.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи являются анналы Георгія Франдзи, на основаніи которыхъ можно было бы возстановить также и полную біографію автора,—до того часто, много и охотно говоритъ онъ о своей жизни и дѣятельности. Для насъ довольно знать, что Франдзи былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, ходъ которыхъ онъ могъ знать, какъ никто, вслѣдствіе своей близости ко двору по званію протовестіарія и дружбы съ императоромъ Константиномъ, скрѣпленной общимъ воспитаніемъ и воспоминаніями дѣтства. Вся жизнь Франдзи прошла въ многообразной и полезной для государства службѣ, сопряженной съ дальними путешествіями, опасностями, плѣномъ и другими невзгодами. Переживъ гибель роднаго города, поруганіе вѣры, смерть императора и друга, разсѣяніе и позоръ своей семьи, удрученный годами, Франдзи нашелъ успокоеніе въ монастырской кельѣ, въ тиши которой онъ описалъ видѣнныя и оплаканныя имъ событія *ὄχι πρὸς χάριν οὔτε πρὸς φθόνον, ἀλλ' ἱστορίας μόνον χάριν*: безъ пристрастія, безъ ненависти, единственно ради исторіи. Но чувство, наполнившее его душу, сказывается неволью: все сочиненіе проникнуто любовью къ дому Палеологовъ, стоявшему во главѣ Византіи, въ особенности же къ послѣднему императору-герою, для восхваленія котораго онъ не находитъ достаточно словъ. Говоря о самыхъ порочныхъ и неспособныхъ императорахъ, Франдзи не только не про-

вносить ни одного слова осужденія, на что такъ щедръ другой историкъ той же эпохи, Дука, но напротивъ старается даже смягчить въ своемъ разказѣ рѣзкость самихъ фактовъ. Въ самомъ жгучемъ вопросѣ своего времени, въ вопросѣ объ уніи, одного имени которой было достаточно для того, чтобы въ сердцахъ ея противниковъ и сторонниковъ разгорались самыя бурныя чувства, Франдзи сумѣлъ сохранить безпристрастіе, не осыпая упреками ни той, ни другой стороны въ отличіе отъ остальныхъ соотечественниковъ. Хотя вся его любовь и расположеніе принадлежали противникамъ уніи, тѣмъ не менѣе, руководимый сознаниемъ ея политической необходимости, онъ считалъ нужнымъ уступить силѣ обстоятельствъ, покорившись напѣ въ чаяніи спасенія отъ другихъ враговъ, и въ этомъ шелъ такъ далеко, что предлагалъ императору сдѣлать патриархомъ кардинала Исндора, знаменитаго сторонника уніи еще на Флорентійскомъ соборѣ (Phg. 326, с. 16). Не смотря однако на свою вѣротерпимость, Франдзи всегда оставался православнымъ, и чувство привязанности къ греческой церкви, убѣжденности, что исповѣданіе ея есть единое истинное, только росло подѣ влияніемъ пережитыхъ бѣдствій.

Предпринявъ по просьбѣ жителей острова Корфу описаніе событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, Франдзи начинаетъ свое повѣствованіе краткимъ введеніемъ въ видѣ исторіи дома Палеологовъ (1261 — 1410), опираясь въ разказѣ на показанія какъ современниковъ, такъ и лѣтописцевъ (1—65 ст.). Отъ этого введенія Франдзи рѣзко отдѣляетъ главную часть сочиненія, основанную на личномъ знакомствѣ съ событіями. Я намѣренъ, говоритъ онъ передъ нею, разказать о важныхъ достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 1410—1486 года... что хорошо мнѣ извѣстно вслѣдствіе моего возраста¹⁾; и затѣмъ онъ подробно излагаетъ ту послѣдовательность, которую намѣревается соблюдать въ сочиненіи²⁾.

¹⁾ Ταῦτα οὖν διὰ τὸ τῆς ἡλικίας μου ἐντελής καλῶς καὶ ἀκριβῶς εἰδότες. Phg. 67.

²⁾ Вотъ она: Phg. 65. Я намѣренъ разказать о важныхъ и достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 10 до 86 года; я подраживаю впервыхъ: прибытіе на западъ пяти сыновей Балзета: Мусульмана, Османа, Мовеса, Ессаа, Мехмета и Юсуфа, принявшаго впоследствии христіанство подѣ именемъ Дмитрія, о смерти въ Фессалоникахъ императора киръ Іоанна и о прибытіи туда сына его императора Мануила; о поставленіи тамъ государемъ сына его киръ Андроника; о смерти въ Спартѣ государя Θεодора Порѣвроднаго; о пришествіи императора и брата его Мануила въ Πελοποννήσ. Я разкажу о смерти Мусульмана отъ руки его брата Мовеса, о трехлѣтней войнѣ его съ императоромъ Ма-

Въ дальнѣйшемъ же своемъ повѣствованіи Франдзи очень мало заботится о начертанномъ имъ планѣ разказа, который отнюдь не обнимаетъ всего разнообразнаго содержанія анналовъ, а лишь часть его, преимущественно I и II книги. Лѣтописи Франдзи представляютъ изъ себя не строго историческое сочиненіе, а скорѣе мемуары, въ которыхъ страннымъ образомъ историческіе факты перешлетаются съ семейными воспоминаніями, а размышленія богословскія (431—446, 329—378) смѣшиваются съ разсужденіями о физикѣ (378—383), политическіе акты (404) и письма (43, 44, 416—423) съ географическими описаніями, иногда чуть не баснословнаго характера (Phg. 207, 208, 209). По своей эпизодичности ¹⁾ сочиненіе Франдзи превосходитъ знаменитыя Музы отца исторіи, съ тою только разницею, что у нашего автора встрѣчается повтореніе, объясняемое легко его преклоннымъ возрастомъ, когда слабѣетъ память. Что касается до означеннаго въ предисловіи періода времени (1410—1487 гг.), то онъ, въ свою очередь, не совпадаетъ съ періодомъ, дѣйствительно описаннымъ Франдзи, и, кромѣ того, прямо противорѣчитъ помѣткѣ, сдѣланной на концѣ книги и относящей написаніе ея къ 1478; дѣйствительно послѣднее происшествіе въ разказѣ Франдзи относится къ 1477 году; единственное событіе болѣе позднее есть смерть Мехмета II, завоевателя Византіи (Phg. 95, стр. 11).

Вопросъ о времени написанія Франдзи его Анналовъ, можетъ быть, долго не будетъ рѣшенъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону, но главныя противорѣчія могутъ быть сглажены, благодаря тому обстоятельству, что трудъ нашего лѣтописца дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: одну мы необходимо должны предположить болѣе обработанною и потому болѣе позднею, а другую — первоначальною,

ишломъ и объ ослѣпленіи Орхана, сына Мусульмана въ Лариссѣ, о прибытіи съ востока на западъ брата его Мехмета, о возвращеніи Мехмета на востокъ, о новомъ его приходѣ во Фракію и Европу и о побѣдахъ его. Я скажу о смерти Мозеса, потомъ о смерти втораго сына императора Мануила, бывшей въ Момемвасіи и двухъ дочеряхъ его, и о рожденіи повелителя киръ Михаила, по смерти его отъ чумы. Я буду повѣствовать о смерти Дмитрія Целены, сына султана Ваявета и брата султана Мехмета, и о рожденіи повелителя киръ Фомы.

¹⁾ (47—93) Исторія турокъ. (97—107) Исторія острова Крита. (140—144) Житіе св. Фоманди, тетки Франдзи. (189—190) Описаніе Оробуркюма. (294—302) Исторія Магомета и его первыхъ преемниковъ. (310—328) Полемика съ латинянами. (329—378) Полемика съ мусульманами. (379—383) О причинахъ грома, молній, землетрясеній, появленій кометъ. (396—399) Исторія Момемвасіи. (431—446) Изъясненіе символа върв. (207—209) Приключенія Ееряма.

представляющею погодный набросокъ, обширность котораго обуславливается отнюдь не относительною важностью событій (напримѣръ, взятію Византіи удѣленъ тамъ всего одинъ столбецъ), а личными соображеніями автора, очевидно намѣревавагшагося развить сказанное краткѣ, а недостающее дополнить, какъ на основаніи личныхъ воспоминаній, такъ и показаній современниковъ, книжныхъ и устныхъ. Такое совмѣстное существованіе двухъ редакцій для насъ въ высшей степени важно, потому что изъ сличенія ихъ мы можемъ опредѣлить время написанія не только всего сочиненія, но въ главныхъ чертахъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ частности главы, посвященной осадѣ Византіи въ 1453 г. Если относить первоначальную редакцію къ 1477 году, такъ какъ годъ этотъ представляется естественнымъ предѣломъ разказа, тутъ и обрывающагося, то мы изъ этого необходимо должны вывести то заключеніе, что всѣ не встрѣчающіеся въ *Chronicon Minus* эпизоды суть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное между 1477—1488 годами, послѣдній срокъ дается вторымъ предисловіемъ; при семъ, не дѣлая особенно смѣлыхъ предположеній, мы можемъ сузить предѣлы до 1481 г., принимая во вниманіе, что позднѣйшее событіе, о какомъ встрѣчается упоминаніе, есть смерть Мехмета. Не смотря на то, что Франдзи находился въ ту пору въ очень преклонномъ возрастѣ, не смотря на то, что въ 1477 году здоровье его было потрясено опасною болѣзью, послѣ которой онъ оставался нѣкоторое время полуслѣпымъ, полуглухимъ, по его собственному сознанію, мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ основаній отвергать принадлежности ему второй дополнительной редакціи; на оборотъ, можно даже представить въ подтвержденіе такого предположенія нѣсколько доводовъ; самый сильный изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ *Annales* находится полное и подробное описаніе геройской обороны Византіи отъ турокъ, носящее на себѣ отпечатокъ, не допускающій даже малѣйшаго сомнѣнія относительно принадлежности Франдзи, который говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ и выставляетъ на видъ ту долю участія, какую онъ и самъ принималъ въ совершавшихся событіяхъ.

Конечно, нельзя совершенно отрицать, чтобы нѣкоторыя части сочиненія Франдзи не возбуждали извѣстной доли подозрѣнія своею законченностью, цѣльностью и обработкой, выдѣляющими ихъ изъ общаго тона повѣствованія лѣтописца,—точно ли лицо, писавшее то и другое, было одно и то же, нѣтъ ли тутъ позднѣйшихъ вставокъ и передѣлокъ; хотя бы, напримѣръ, эпизодъ, посвященный краткой исторіи турокъ отъ ихъ происхожденія до смерти султана Мех-

мета II. По крайней мѣрѣ, о половинѣ событій, здѣсь разказанныхъ, дальше повѣствуется еще съ большою подробностью, тогда какъ упоминаніе Мехметова похода на Караманъ встрѣчается лишь въ одной турецкой исторіи, хотя событіе это предшествовало осадѣ Византіи, почему и естественно было искать тамъ о немъ болѣе подробнаго повѣствованія. Но всѣ эти соображенія не такой силы, чтобы поколебать полную принадлежность анналовъ перу Франдзи, потому что при каждомъ почти сомнительномъ эпизодѣ существуютъ доводы, ослабляющіе причины сомнѣній. Напримѣръ, возьмемъ тотъ же эпизодъ о турецкой исторіи; корень ея, помоему, находится въ Chronicon Minus, гдѣ въ соответствующемъ мѣстѣ содержится перечисленіе турецкихъ султановъ, такъ что отсюда въ дальнѣйшемъ развитіи могъ возникнуть занимающій насъ эпизодъ. Точно также обработанность одной части сравнительно съ другою никоимъ образомъ не можетъ служить для какихъ бы то ни было заключеній, и вотъ почему: Франдзи, вообще, старался придать своимъ анналамъ болѣе совершенную форму, чѣмъ Chronicon Minus; самаго поверхностнаго сличенія достаточно для того, чтобы увидѣть разницу въ слогахъ, отдѣляющую одну редакцію отъ другой, но, конечно, онъ въ этомъ не ведалъ одинаково успѣлъ, ибо не во всѣхъ частяхъ работалъ съ одинаковымъ напряженіемъ.

Франдзи въ своемъ повѣствованіи, какъ я уже сказалъ, руководствовался не одними только личными воспоминаніями и свидѣтельствомъ лицъ, бывшихъ очевидцами событій¹⁾; источникомъ ему служило также письменное преданіе. Такъ, напримѣръ, въ первомъ предисловіи онъ слѣдовалъ Георгію Акрополитѣ (Allatius, Diatriba de Georgiis), и сокращеніе сочиненія Никифора Григоры, обнимающаго начальную исторію дома Палеологовъ, составляетъ содержаніе его первыхъ главъ (Pontanus).

Не смотря на всю разнородность содержанія, духъ сочиненія ведалъ одинаковъ. Удрученный горемъ и годами, изможденный болѣзнями, старикъ описываетъ со смиреніемъ и неалобіемъ, — плодомъ монастырскаго уединенія и пережитыхъ несчастій — все видѣнное и слышанное имъ на долгомъ поприщѣ его многообразной дѣятельности. Онъ да-

¹⁾ Τα μὲν ὑπὸ ἀξιοπιστῶν καὶ σοφῶν συγγραφέων γεγραμμένα μέρος εἶδον ἐν ταῖς ἀρχαῖς τῆς βασιλικῆς βουλῆς καὶ αὐτῆς καὶ τῆς συγκλήτου σοφῶν καὶ συνετῶν καὶ γηραίων ἀποθέσεων. Напримѣръ, господара Дмитрія въ разказѣ о поездѣ императора во Флоренцію и Венецію.

лежъ отъ того, чтобы осипать упреками латинъ или турокъ, цѣль его только возстановить честь императора, родины и греческаго православія, тѣмъ болѣе, что послѣднее находилось въ особенной опасности: съ одной стороны, латинны отторгали посредствомъ уни нѣкоторую часть греческой церкви, съ другой—каждый день она несла потери въ лицѣ принимавшихъ мусульманство. При видѣ торжества ислама надъ христіанствомъ, торжества, достигнутаго лишь силою оружія, Франдзи старается пространно доказать неизмѣримое нравственное превосходство греческой вѣры, желая укрѣпить богословскими разсужденіями въ православіи своихъ соотечественниковъ.

Разказъ Франдзи о паденіи Византіи представляетъ наиболѣе цѣльную и обработанную часть его сочиненія. Помимо подробнаго и надежнаго повѣствованія о ходѣ осады, сочиненіе *φλαγθῶς* Франдзи, какъ его называетъ Паспати, имѣетъ то неоспоримое преимущество надъ другими источниками, что изъ него мы черпаемъ много свѣдѣній о закулисной сторонѣ дѣла, которая никому иному не могла быть извѣстна, кромѣ присяжныхъ императора.

Языкъ Франдзи не отличается ни чистотою формъ, ни изяществомъ выраженія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говорить отъ глубины чувства, самый слогъ теряетъ свою валость и становится живымъ и сильнымъ, въ особенности вслѣдствіе цитатъ изъ Св. Писанія.

Изданъ Франдзи впервые въ латинскомъ переводѣ Понтана, въ началѣ XVII вѣка.

2. Критовулъ.

Въ числѣ важныхъ источниковъ для изучаемаго нами вопроса находится также исторія царствованія Мехмета II, написанная Критовуломъ, съ острова Имвроса. Хотя самъ Критовулъ, принимавшій важное участіе въ событіяхъ своего вѣка, не могъ оставаться невѣдомымъ современникамъ, тѣмъ не менѣе ни у одного изъ византійскихъ писателей XV вѣка мы не находимъ указаній о его жизни и дѣятельности, и потому всѣ наши свѣдѣнія о немъ основываются лишь на томъ, что онъ говоритъ о себѣ самъ. Въ ту эпоху, когда турки готовы были овладѣть Византією, когда отношенія между двумя народами, не смотря на ихъ враждебность, были чрезвычайно тѣсны, часто встрѣчались люди, благопріятствовавшіе туркамъ изъ корыстныхъ разчетовъ. Когда же прекратилось самостоятельное су-

ществованіе Византіи и на Цареградскомъ престолѣ султаны смѣнили императоровъ, близкія сношенія побѣдителей съ побѣжденными стали еще болѣе необходимыми въ силу самыхъ вещей, при чемъ среди грековъ не только нашлось много лицъ, которыя подчинились новому порядку, сознавая свое безсиліе сопротивляться ему, но нашлись даже такія, которыя не замедлили направить къ своему личному благу общее бѣдствіе своихъ единовѣрцевъ, стараясь угодить новому повелителю, снискать его благоволеніе, для чего въ случаѣ нужды не затруднились измѣнять своему православію.

Послѣдняго не приходилось дѣлать грекамъ, ученымъ и литераторамъ: въ ихъ рукахъ было иное средство расположить къ себѣ поклонника наукъ и искусствъ, славолюбиваго Мехмета, поставившаго своимъ идеаломъ Александра Великаго и зачитывавшагося (по свидѣтельству венеціанца Ясошо Langusto L. D. 6, 7) подвигами древнихъ героевъ въ исторіяхъ: Геродота, Квинта Курція, Ливія и др. Для снисканія милостей Мехмета нужно было увѣковѣчить его подвиги литературными памятниками, въ которыхъ передъ всѣмъ свѣтомъ выставялась бы доблесть героя новаго времени. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и авторъ исторіи Мехмета Критовулъ, всегда стоявшій на сторонѣ турокъ и подъ конецъ захотѣвшій доказать свою преданность султану не одною только политическою, но и литературною дѣятельностью. Критовулъ предвидѣлъ однако, какимъ напакамъ подвергнется онъ, грекъ родомъ, выступая панегиристомъ исконнаго врага греческаго міра, поработителя Византіи, котораго другіе историки той же эпохи награждали неслестными эпитетами зловѣрнаго, безбожнаго, ненасытнаго онагра, коварнаго кровопійцы (Pusc. II 261 τράννος δόσσοβής, ἐχθρός πατριάρχος, ἀντίχριστος, ὀλέστηρ τοῦ γένους ἡμῶν). Чтобы оправдать себя въ глазахъ читателей (Посвященіе Мехмету и первыя три главы первой книги), Критовулъ объясняетъ истинную цѣль и намѣреніе своего сочиненія: желаніе его возстановить непрерывность исторіи, которая, повѣствуя о подвигахъ древнихъ героевъ, ничего не говоритъ о событіяхъ новыхъ, хотя они по важности ни въ чемъ не уступаютъ древнимъ. „Какъ пала старая Византійская имперія и на развалинахъ ея воздвиглась новая, какъ старыхъ повелителей смѣнилъ новый, благодаря своимъ подвигамъ вобладавшій надъ половиною вселенной, объ этомъ хочеть говорить Критовулъ, чтобы событія эти не вверглись въ пучину забвенія, но пребывали бы живыми въ народной памяти для назиданія потомства“. Писать объ этомъ можетъ онъ, не боясь упрековъ со стороны

грековъ, ибо нельзя же требовать отъ Византійской имперіи, чтобы она одна оставалась несокрушимой, когда все кругомъ разрушилось и измѣнилось: такова судьба людей. Всемирное господство переходило преемственно то къ ассирійцамъ, то къ мидянамъ и персамъ, то къ эллинамъ и римлянамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, должны уступить его туркамъ. Не довольствуясь этими общими разсужденіями о бренности всего земнаго и измѣчивости счастья, чѣмъ греки освобождаются отъ всякой вины въ происшедшемъ, Критовулъ въ свое оправданіе приводитъ примѣръ Іосифа Флавія, также описывавшаго гибель своего народа и подвиги поработителей его римлянъ.

Но относительно объясненій Критовула можно съ правомъ примѣнить французскую поговорку: qui s'excuse s'accuse. Въ самомъ дѣлѣ автору можно было бы повѣрить въ чистотѣ его намѣреній, еслибы онъ не обличалъ противнаго каждою своею строчкой. Онъ не только превозносить Мехмета за все то, что дѣйствительно могло возбуждать удивленіе среди современниковъ, но прибѣгаетъ даже къ искаженію или замолчанію фактовъ, если они не говорятъ въ пользу его героя; такъ напримѣръ, Критовулъ ни полсловомъ не обмолвился объ убіеніи Мехметомъ роднаго брата, о Бѣлградскомъ пораженіи, въ которомъ открыто признается Сеидъ-единъ; онъ умаляетъ значеніе побѣдъ Скандербега и пр. Зная, чѣмъ польстить Мехмету, стремившемуся выставить себя преемникомъ Византійскихъ императоровъ, Критовулъ во всѣхъ случаяхъ называетъ его βασιλεύς, а не ἀμράς какъ другіе источники. Правда, въ своемъ восхваленіи Мехмета Критовулъ не доходитъ до такой степени приниженія, до какой ниспускается другой панегиристъ побѣдителя Византіи, трапезунтскій грекъ Георгій Амируци, льстившій Мехмету, уже совсѣмъ забывъ о томъ, что существуетъ на свѣтѣ совѣсть (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Αθήν. 1885, τόμ. δεύτερος, 275—282 изъ Δαμπρός), Амируци называетъ, напримѣръ, Мехмета, „сверкающею звѣздою, ослѣпительнымъ свѣточемъ, любителемъ образованности и поклонникомъ музъ, вitezемъ и царемъ эллиновъ“, или въ другомъ хвалебномъ гимнѣ онъ обращается къ Мехмету въ такихъ выраженіяхъ: „Великій царь царей, владыка, высочайшій изъ высочайшихъ ханъ, свѣтлое солнце, золотыми лучами своими ослѣпляющее все тебѣ подвластное, привѣтствую тебя (χαῖρε), скипетродержатель вселенной, ибо если остались еще люди, гордящіеся своею силою, то и тѣ дрожа подчиняются твоему могуществу, потому что одинъ ты владыка на свѣтѣ, повелѣвающій всѣми земными царями; привѣтствую тебя, справедливейшій

изъ справедливыхъ государь, ты дорожишь лишь однимъ вѣнцомъ— вѣнцомъ справедливости, вознаграждая добрыхъ и наказуя злыхъ“. Въ третьемъ стихотвореніи Амируци торжественно заявляетъ, „что въ Мехметѣ чудодѣйственнымъ образомъ соединились мудрость, скромность (sic!), храбрость, отвага, милосердіе, справедливость, благотворительность, какого соединенія не встрѣчается ни въ одномъ другомъ смертномъ“¹⁾.

Такимъ образомъ Критовуль является не единственнымъ перебѣжникомъ въ лагерь турокъ; такихъ перебѣжниковъ на оборотъ было очень много. Это обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ легко приняла турецкое завоеваніе часть Византійскаго общества и какъ понизились его нравственные идеалы, если изъ среды его выходили такіе беззащитные слуги поработителей отечества. Къ чести Критовула нужно однако сказать, что онъ никогда не отзывается дурно о своихъ соотечественникахъ; въ его изображеніи сглаживаются даже тѣ застарѣлые недуги, которые подтачивали изо дня въ день существованіе Византіи и заставили ее наконецъ рухнуть, не смотря на геройскую оборону ея защитниковъ. Въ изложеніи Критовула Византія является скорѣе монцою и сильною, чѣмъ разслабленною и одряхлѣвшею. Виновныхъ въ ея паденіи нѣтъ, ибо всю вину авторъ сваливаетъ, благодаря своему историческому фатализму, на судьбу, избѣжать которой никто не можетъ.

Опредѣливъ степень безпристрастія автора въ изображеніи описываемыхъ имъ событій, посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ могъ онъ ихъ знать. Вотъ его подлинныя слова (Письмо къ султану, ст. 53): „Послѣ упорнаго труда составилъ я эту книгу, ибо самъ не присутствовалъ при событіяхъ и не зналъ точнаго ихъ хода, но я разспрашивалъ очевидцевъ и восстанавливалъ такимъ образомъ истину“. Не смотря на эти старанія, Критовуль не избѣгъ ошибокъ, въ особенностяхъ въ упоминаніяхъ именъ не греческихъ и не турецкихъ²⁾. Какъ бы въ замѣтъ того, близкое знакомство и связи среди влиятельныхъ турокъ дали Критовулу возможность сообщить нѣсколько свѣдѣній, какихъ мы не находимъ у другихъ историковъ, о томъ,

¹⁾ Нѣкоторыя сѣднія о жизни Амируци приводитъ Λαμπρός въ предисловіи къ изданію стихотвореній. Тамъ приведены и отзывы объ Амируци Критовула: Ст. IV, 9, 2, 3, который говоритъ съ большою похвалою объ умѣ и образованіи Амируци. Письмо о взятіи Трапезунта у *Migne*, т. 161.

²⁾ Джустиніани названъ Юстиниомъ; вмѣсто Сербскаго краля Георгія—Лазарь, вмѣсто папы Каллиста II—его предшественникъ Николай V.

что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ. Таковы диспозиціи турецкихъ войскъ, имена военачальниковъ, описаніе экспедицій султана противъ Оерапіи, Студійской крѣпости и Принцевыхъ острововъ. Предметъ, который всего ближе извѣстенъ автору—это исторія острова Имвроса, въ которой Критовуль принималъ непосредственное и дѣятельное участіе. Когда его соотечественники боялись за свою судьбу послѣ паденія Византіи, Критовуль предложилъ имъ отправить посольство къ Мехмету, благодаря чему Имвросъ сохранилъ свою независимость. Въ 1456 году Критовуль получилъ отъ султана тотъ же островъ въ управленіе и спасъ его для турокъ отъ венеціанскаго нашествія, случившагося въ слѣдующемъ году. Впослѣдствіи Критовуль не переставалъ играть выдающуюся роль въ исторіи Имвроса, постоянно держа сторону турокъ и оказывая имъ существенныя услуги. При его, наприимѣръ, содѣйствіи острова Лемносъ съ Имвросомъ подчинились Мехмету, который отдалъ ихъ тестю своему Дмитрію Палеологу, опять-таки не безъ посредства Критовула, который, безъ сомнѣнія, продолжалъ управлять островомъ Имвросомъ отъ имени Палеолога, какъ раньше управлялъ отъ имени султана. Въ 1466 году, когда Имвросъ былъ занятъ венеціанцами, нашъ историкъ удалился въ Византію, гдѣ и окончилъ свое сочиненіе въ періодъ времени отъ 1466—1470 гг., по остроумнымъ соображеніямъ Миллера. Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, Критовуль описываетъ какъ очевидецъ чуму, свирѣпствовавшую въ Византіи въ 1467 году (доказательство, что онъ былъ тамъ), а во вторыхъ, онъ не говоритъ ни слова о побѣдѣ, одержанной турками надъ венеціанцами въ 1470 году, о чемъ онъ не преминулъ бы сказать къ вѣщему прославленію своего героя. О смерти его мы не знаемъ ничего; можетъ быть онъ и поступилъ въ монастырь на Аѳопъ, какъ это говорить Тишендорфъ ¹⁾, не приводя однако основанія для своихъ словъ. Исторія его кончилась на семнадцатомъ годѣ царствованія Мехмета, вѣроятно, потому, что султанъ не догадался поощрить Критовуловы занятія исторіею, а можетъ быть, и другія обстоятельства помѣшали окончанію его труда. Вѣрнаго сказать ничего нельзя.

Подводя итогъ сказанному о сочиненіи Критовула, мы видимъ, что о занимающемъ насъ вопросѣ о паденіи Византіи Критовуль пишетъ не какъ очевидецъ и съ заранѣе предвзятою цѣлью восхвалять своего героя Мехмета. Сравнительная отдаленность описываемаго со-

¹⁾ Notitia editionis codicis Bibliarum Sinaitici. Лейпцигъ. 1860.